

Лу Синчжэ чувствовал себя в убытке. Он не мог точно определить, в чем именно проиграл, но неприятный осадок оставался. Не стоило ему вчера вмешиваться. Какое ему было дело до того, что кто-то фотографирует Си Няня? Мало того, что он отвез его домой, так еще и...

Взгляд юноши потемнел, и он откинулся на спинку кресла. Выудив из ящика стола пачку сигарет, он поднес зажигалку. Руки слегка дрожали, и пламя удалось высечь лишь со второго раза.

Комната наполнилась едким дымом, придавая всему вокруг мертвенно-белый оттенок.

«Наверняка Си Нянь сейчас смеется надо мной, — подумал Лу Синчжэ. — Смеется над тем, как я остался в дураках. Смеется над тем, как я сам напросился к нему в постель»

Он беззвучно затушил сигарету о край стола. За окном монотонно шумел дождь.

Из-за непогоды и скандала с травмой Шэнь Силинь, который наделал много шума, «Звёздные игры» пришлось отложить на неделю. В эту пятницу, в восемь вечера, на спортивном канале в прямом эфире начался второй отборочный тур.

С момента публикации того скандального видео прошло уже достаточно времени. Су Гэ давно не появлялся на публике и фактически был отстранен от работы. Хотя интернет продолжал негодовать, со временем страсти поутихли, и о нем начали забывать, но трансляция вновь всколыхнула память.

В отличие от прошлого раза, когда фанаты Гэцзы заполнили всё пространство, на этот раз они вели себя на удивление тихо, словно воды в рот набрали. С какого-то момента фраза «фанат Су Гэ» стала постыдным клеймом.

Насмешки со стороны окружающих были неизбежны — в прошлом его сторонники успели насолить слишком многим. Когда камера наводилась на артиста, лента комментариев взрывалась сообщениями отвращения. Его улыбка, некогда казавшаяся нежной и утонченной, теперь выглядела лицемерной и приторной.

Совершенно иная реакция была на Си Няня. Его фан-база уже заметно выросла. Он еще даже не успел натянуть тетиву, а экран уже пестрел ободряющими криками поклонников.

«Десятка! Десятка! Обязательно будет десятка!»

«Наш брат Си никогда не промахивается!»

«Си Нянь точно победит, а если нет, я себе голову откручу»

Раздался глухой звук летящей стрелы. Лучник, как и ожидали фанаты, попал точно в яблочко. Когда камера приблизилась, зрители заметили на его руке черный нарукавник. Вспомнив недавний инцидент, когда Су Гэ ошпарил его кипятком, они принялись строить догадки.

«Он носит нарукавник, чтобы скрыть рану»

«Наверняка. Если посчитать, то второй тур начался всего через день после того, как Су Гэ его ошпарил. Рука точно не успела зажить»

«Как же сильно могут отличаться люди! Кое-кто из-за царапины готов трубить на весь мир, а Си Нянь, получив серьезную травму, молча продолжает соревноваться. Я не слышал от него ни единого слова жалобы»

Некоторые, не будучи поклонниками определенного лагеря, а просто любителями поспорить в сети, возражали:

«Подумаешь, ошпарился. Что тут такого? Стреляет же он отлично. Если бы травма была серьезной, разве он попал бы в десятку?»

Но очень скоро эти слова были с позором опровергнуты. Во втором раунде состязания травма дала о себе знать. Первая стрела была выпущена на пределе сил. Когда актер готовился ко второму выстрелу, крупный план показал, как сильно дрожит его рука.

Лицо его побледнело, а спина насквозь промокла от пота, темное пятно расплылось по рубашке. Было очевидно, что юноша с трудом преодолагает боль.

Зрители, присутствовавшие на съемках, тогда не понимали, почему он так долго медлит с выстрелом. Теперь, видя все на экране, они молчали.

Они наблюдали, как раненый парень снова и снова с мучительным усилием натягивает тетиву, целясь, и раз за разом поражает десятку. Когда судья подошел и спросил, не нужна ли ему медицинская помощь, Си Нянь отрицательно покачал головой.

Кто-то заметил, что в этот момент он обернулся и посмотрел на трибуны. Его взгляд, преодолев расстояние, на мгновение задержался на нескольких фанатах, отчаянно скандировавших его имя, а затем снова вернулся к мишени.

Он редко отвлекался, его внимание было полностью сосредоточено на цели. Те немногие разы,

когда актер отводил взгляд, он смотрел на них, и камера безжалостно ловила эти моменты.

«Няньгао», видя, как их кумир, преодолевая боль, продолжает стрелять, были готовы разорвать обидчика на куски. Их сердца кипели яростью. Но, увидев этот взгляд, они не смогли сдержать слез.

«Этот его взгляд... уву-у-у, это мне кажется, или он был таким нежным?»

«Оказывается, он смотрел на меня вот так... Я задыхаюсь, мама, я могу умереть спокойно!!!»

«Я плачу, мне так его жаль. В то время его яростно травили фанаты одного типа, выиграл бы он — его бы ругали, проиграл бы — тоже ругали. А поскольку он не был популярен, его поддерживали всего несколько человек. Я только несколько дней назад узнала, что этот живодеер Су еще и ошпарил ему руку»

«Уву-у-у, нет, я не могу, у меня глаза на мокром месте. Си Нянь, почему мы не узнали тебя раньше?»

«Почему мы не узнали тебя раньше...»

«Когда ты не был знаменит, тебе, должно быть, пришлось очень тяжело. Если бы только мы узнали тебя раньше»

Их сердца разрывались от боли, что они не могли защитить его, когда он был никому не известен...

Си Нянь тоже смотрел трансляцию. Когда перед его глазами проносились эти строки комментариев, он подпер голову рукой и, нахмурившись, долго пытался вспомнить. Много лет назад, не говорил ли ему кто-то то же самое?

Яркий свет лампы над головой слепил, вызывая головокружение. В хаосе обрывочных воспоминаний актер поднял взгляд. Сквозь меняющиеся картинки на экране компьютера он, казалось, что-то вспомнил.

В люксе на верхнем этаже отеля два тела сплетались в страстном объятии, скатываясь с кровати на пол, а с пола — на диван. Черноволосый мужчина с чарующим взглядом сидел на нем верхом и, тяжело дыша, шептал на ухо, их дыхания смешивались:

— Главная мужская роль в новом фильме режиссера Чжана — твоя.

Алые губы мужчины потянулись к губам Си Няня, но тот отвернулся.

— Шао Ханьсун тоже был на прослушивании, — нахмурился он. — Режиссер Чжан уже утвердил его.

— А ты знаешь, почему его утвердили? — собеседник прошептал ему на ухо. — Потому что он нашел себе богатую покровительницу. Как думаешь, если этот скандал всплывет, кто-нибудь осмелится с ним работать?

Выражение лица Си Няня смягчилось. Собеседник, заметив это, улыбнулся:

— Си Нянь, что бы ты делал без меня?

Без связей, даже с талантом, что толку? Твои шансы снова и снова будут отбирать те, у кого есть поддержка.

Расплывчатое лицо мужчины вдруг стало обретать черты. Это было лицо Лу Синчжэ. Он опустил взгляд и, взяв лицо Си Няня в ладони, серьезно произнес:

— Нам следовало встретиться раньше.

«Нам следовало встретиться раньше...»

Тогда Си Нянь не понял смысла этих слов. Теперь же до него начало доходить. Люди — существа, которые все понимают с опозданием. Порежешь палец — и лишь через несколько секунд почувствуешь боль. Услышишь фразу — и, возможно, лишь спустя пятьдесят лет, в одну из тихих бессонных ночей, внезапно вспомнишь ее и поймешь истинный смысл.

Си Нянь был медленнее всех. Ему потребовалась целая жизнь, чтобы понять.

Система все видела отчетливо. Перед смертью в прошлой жизни в нем уже зародилось раскаяние.

Третий отборочный тур «Звёздных игр» перенесли на субботу. Рано утром, когда Си Нянь с сумкой через плечо вышел из дома, он обнаружил, что внизу его уже ждет Сунь Мин. Тот сидел в машине, то и дело поглядывая на часы и воровато озираясь по сторонам.

Актер сделал вид, что не заметил его, и направился напрямиком на парковку. Но Сунь Мин оказался глазастым. Он выскочил из машины и преградил ему путь:

— Си Нянь, Си Нянь, ты куда? Я специально приехал за тобой.

Тот не собирался иметь дел с этим флюгером. Он обогнул его и пошел дальше.

— Не заслуживаю такой чести.

Сунь Мин ничуть не смутился и продолжил заискивающе улыбаться.

— Я знаю, я знаю. Раньше я был слеп и обидел тебя. Ты человек великодушный, не держи на меня зла. На этот раз у меня к тебе действительно важное дело.

С этими словами он вцепился в руку Си Няня и, наполовину улыбаясь, наполовину кланяясь, затащил его в машину. Бесплатный шофер — почему бы и нет? Юноша уселся на заднее сиденье и, сняв маску, спросил:

— Что за дело?

Сунь Мин приказал ассистенту ехать, а сам достал из портфеля папку и протянул ему.

— В общем, «Звёздные игры» скоро заканчиваются. Компания считает, что сейчас идеальное время для роста твоей популярности, поэтому мы договорились о твоем участии в одном реалити-шоу, называется «Расшифровка: Тайная комната». Туда приглашают только самых известных звезд. Это очень редкий шанс, мы долго за него боролись...

Это шоу действительно было очень популярным, Си Нянь о нем слышал. Он взял у менеджера контракт и начал просматривать. Но, пробежав глазами первые строки, он замер.

— Это что значит? — едва заметно выгнул он бровь.

В его руках был не контракт на участие в шоу, а контракт на продление.

Встретившись с холодным взглядом Си Няня, Сунь Мин оробел. Поколебавшись, он произнес:

— Видишь ли, компании было нелегко заполучить для тебя это место. К тому же, твой контракт скоро истекает. Так что мы решили, что будет лучше подписать все сразу. Это взаимовыгодное предложение.

Хоть он и говорил обтекаемо, смысл был ясен: сначала подпиши рабский контракт, потом получишь шоу.

Си Нянь подумал, что старого лиса Оуян Шаньсина не так-то просто провести. Он повертел в руках тридцатилетний контракт, надолго задумался, а затем медленно улыбнулся.

— Продление — дело времени. Зачем такая спешка?

Менеджер посмотрел на него.

— Си Нянь, не глупи. Большой босс готов вкладывать в тебя ресурсы, это же прекрасно. Другие о таком и мечтать не могут. Подпиши контракт поскорее, и я смогу уладить все с шоу.

Но артист не поддавался на уговоры. Указав на документ, он сказал:

— Меня не устраивают некоторые пункты. Давай в другой день выберем время и место и спокойно все обсудим.

Сунь Мин чувствовал, что тот ускользает, как угорь. В другой день? Еще один «другой день» — и срок договора истечет. Су Гэ уже не вернется, и им во что бы то ни стало нужно удержать Си Няня. От этих мыслей его тон невольно стал жестче.

— Ты ищешь отговорки. Не хочешь подписывать? Уж не нашел ли ты себе новое место? Си Нянь, подумай хорошенько. Другие компании вряд ли предложат тебе такие же щедрые условия. Не совершай глупостей сгоряча, иначе пожалеешь о последствиях.

Актер больше всего на свете ненавидел угрозы. Он посмотрел в окно и, увидев, что они уже подъехали к стадиону, снова натянул маску. Затем он швырнул контракт обратно и с усмешкой бросил:

— Ты угадал. Я, черт возьми, просто не хочу подписывать.

С этими словами он открыл дверь и вышел. Слитным, отточенным движением он с силой захлопнул ее. Сунь Мин ошарашенно смотрел ему вслед, не в силах вымолвить ни слова.

Си Нянь вошел в здание стадиона. «Ну и пусть, — подумал он. — Сожжены так сожжены». Чем подписывать тридцатилетний контракт с «Шаньсин» и похоронить там свою жизнь, уж лучше вернуться домой и торговать бататом.

После прошлого отборочного тура в мужской группе по стрельбе из лука осталось всего восемь человек. Из-за практически нечеловеческой точности Си Няня, который раз за разом выбивал десять очков, в сети уже поползли слухи, что интриги в этом соревновании больше нет — победитель известен, а остальные лишь для массовки.

В рейтинге «Суперзвезда» Си Нянь с последнего места взлетел в первую тройку. Хотя по количеству голосов он все еще уступал Мэн Цяньлиню и Юй Фаню, разрыв был уже не так

велик. Зрительские трибуны на этот раз преобразились: помимо фанатов Мэн Цяньлиня и Юй Фаня, почти треть зала занимали сторонники Си Няня.

— Си Нянь! Вперед! Си Нянь! Вперед!

— Мы все тебя поддерживаем!

Когда он вышел на позицию, за его спиной гремел оглушительный рев, казалось, способный сорвать крышу. Он обернулся, его взгляд скользнул по толпе, но знакомой фигуры он так и не нашел.

На этот раз соперником был участник, занявший восьмое место. Он, видимо, и сам понимал, что пришел сюда лишь для проформы, и особых надежд не питал. Комментатор, как всегда, не упустил случая съязвить:

— Кажется, исход этого поединка предрешен. Интересно, сможет ли Си Нянь удержать планку и снова показать идеальный результат?

По сигналу судьи юноша натянул тетиву, целясь в центр мишени. На этот раз за его спиной была не пустота, а слава и признание.

— Вшух!

После глухого звука стрела вонзилась точно в десятку.

Его результат, казалось, состоял из одной-единственной цифры.

Время шло, и мишень вдали покрывалась все новыми и новыми стрелами. Все они, без исключения, кучно ложились во внутренний круг.

Как и предсказывал судья, исход был предрешен. После двенадцати выстрелов результат оставался ошеломляющим — сто двадцать из ста двадцати. Когда объявили итог, зал взорвался громоподобными аплодисментами. Все скандировали его имя.

Фанаты Мэн Цяньлиня и Юй Фаня про себя сокрушались:

«У наших парней еще есть шансы?»

Лу Синчжэ стоял в задних рядах. На этот раз он был в светлой одежде и без кепки, ничем не выделяясь в толпе. Обычный парень, если не считать сумки с фотоаппаратом через плечо.

Он и сам не мог объяснить, зачем пришел. Наверное, решил, что раз видел первые два тура, то нелогично пропускать третий.

После окончания состязания Си Нянь подошел к зоне для зрителей. Фанаты тянули к нему руки, прося автограф. Он брал фотографии, расписывался на каждой и одновременно осматривал толпу, словно кого-то искал.

Место, где стоял папарацци, было неприметным. Да и вряд ли тот ожидал, что его будут искать. Поэтому, когда их взгляды внезапно встретились, Лу Синчжэ на мгновение растерялся.

Вокруг царил шум и оживление, но в этот миг для них двоих наступила тишина.

В памяти Си Няня этот парень почти всегда носил кепку, скрывающую лицо. Редко когда его можно было увидеть вот так, открыто. Актер смотрел на него и почему-то долго не мог отвести взгляд.

Лу Синчжэ, в силу своего характера, не выказал и тени смущения. Он лишь бесстрастно разглядывал Си Няня с расстояния, а затем, усмехнувшись, легкомысленно свистнул ему и, развернувшись, исчез в толпе.

Си Нянь быстро подписал последнюю фотографию, вернул ее фанатке и, незаметно ускользнув от камер, направился за кулисы. Он вспомнил, что папарацци ушел в сторону выхода «С». Помедлив секунду, он последовал за ним.

Актер пошел коротким путем и, выскочив, как раз успел заметить спину юноши, скрывающуюся за углом коридора. Не раздумывая, он бросился следом, но, завернув за угол, никого не увидел.

— Зачем ты преследуешь меня?

За спиной внезапно раздался знакомый голос, прозвучавший как гром среди ясного неба. Си Нянь резко обернулся и увидел Лу Синчжэ, который неизвестно когда оказался позади него и теперь изучающе его разглядывал.

Си Нянь не ответил, а может, и сам не знал ответа.

— Как ты меня заметил?

— Если бы я такого не замечал, — безэмоционально произнес Лу Синчжэ, — то какой из меня папарацци?

С этими словами он шагнул к Си Няню, не оставляя без внимания свой первый вопрос.

Вглядываясь ему в глаза, он повторил:

— Ты так и не ответил, зачем ты меня преследовал.

Актер молчал, словно подбирая подходящую причину.

Сколько бы раз это ни происходило, Лу Синчжэ всегда чувствовал, как от этого холодного, отстраненного вида у него что-то зудит внутри. Не дождавшись ответа, он намеренно понизил голос до игривого шепота:

— Что, неужели соскучился?

Си Нянь уже собирался ответить, как вдруг неподалеку послышались приближающиеся шаги. Нахмурившись, он схватил собеседника за руку и втащил в ближайшую кладовую для инвентаря, захлопнув за собой дверь.

Лампочка внутри перегорела. В кромешной тьме смутно угадывались силуэты старого, покрытого пылью оборудования. Си Нянь прислонился спиной к двери. Дождавшись, когда топот снаружи стихнет, он осознал, что все еще держит юношу за руку.

Его пальцы дрогнули, но почему-то не разжались.

Лу Синчжэ не видел лица актера, ощущая лишь смешанное с его собственным дыхание и биение сердца. Он опустил взгляд на их сцепленные руки.

— Ты хоть понимаешь, что делаешь?

Эту же фразу он задавал и в ту ночь. Разница была в том, что сейчас Си Нянь был абсолютно трезв.

В затхлом воздухе кладовой, пахнущем пылью и плесенью, танцевали невидимые пылинки. Си Нянь чуть крепче сжал его руку, заставляя подойти ближе, и задал совершенно нелогичный вопрос:

— Зачем ты мне помог?

— Что? — не понял Лу Синчжэ.

— Видео с Су Гэ, — уточнил Си Нянь.

Лу Синчжэ, казалось, все понял. Он едва заметно приподнял бровь.

— Он мне просто не нравится. Нельзя?

Актер знал, что тот лжет. Вероятно, не в силах выносить это самодовольное выражение, он развернулся и сам прижал его к двери. Дыхание стало тяжелым.

— Я тогда тебе отказал. Ты меня не ненавидишь?

В прошлой жизни их разрыв стоил ему карьеры и репутации.

Си Нянь не знал почему, но ему отчаянно хотелось услышать ответ.

Услышав слово «отказал», папарацци словно наступил на больную мозоль. Раздражение вспыхнуло с новой силой. Он беззвучно прищурился.

— Ты преследовал меня, чтобы задавать эти дурацкие вопросы?

Си Нянь промолчал, что было равносильно согласию.

Они застыли в этой позе, и Лу Синчжэ невольно вспомнил ту ночь. Его лицо похолодело. Он рванулся, пытаясь оттолкнуть мужчину, но тот с еще большей силой прижал его к двери. Их тела глухо стукнулись о дерево.

Юноша не мог вырваться, и его охватила бессильная злость. Он хитро прищурился и, изобразив боль, тихо простонал:

— Ты... отпусти. Я ногой ударился, больно...

Си Нянь замер. Пальцы на его запястье ослабли.

— Где болит?

— Нога... — Лу Синчжэ медленно сполз вниз, хватаясь за колено.

Актер, зная, что Лу Синчжэ не из тех, кто легко показывает слабость, поверил ему. Решив, что тому действительно больно, он тут же присел на корточки и в темноте нащупал его левую ногу.

— Та самая рана? Колено болит?

Собеседник молча смотрел на него в темноте. От недавней борьбы его дыхание сбилось, что придавало его игре еще больше правдоподобия.

Не услышав ответа, Си Нянь воспринял это как подтверждение. В темноте он закатал штанину папарацци и полез рукой внутрь, но его тут же перехватили.

— Ты что делаешь? — настороженно спросил Лу Синчжэ.

Лицо Си Няня тонуло в тени, делая его неразборчивым. Прохладные пальцы коснулись голени юноши, ощущая под кожей тонкие мозоли.

— Посмотрю твою рану.

Лу Синчжэ медленно отпустил его руку.

Си Нянь закатал его штанину до колена и принялся наощупь исследовать повреждение. Кожа была неровной, покрытой шрамами, но, к счастью, свежей крови он не почувствовал. Опустив штанину, он сказал:

— Я отвезу тебя в больницу.

— Что, боишься, я охромею? — во взгляде Лу Синчжэ, устремленном на него, плясали огоньки.

Это была всего лишь привычная дразнящая фраза, но Си Нянь неожиданно согласился.

— Да, — без тени эмоций ответил он. — Боюсь, что охромеешь.

Юноша замер. Он хотел что-то сказать, но Си Нянь опередил его:

— Идти можешь?

Лу Синчжэ провел пальцами по ноге и, вызывающе приподняв бровь, бросил:

— Не могу.

— ...

Юноша, кажется, заметил его сомнение и сам, опираясь на руки, поднялся с пола. Он уклонился от протянутой руки актера и после недолгого молчания неожиданно спросил:

— Ты ведь презираешь меня, да?

— Нет, — ответил Си Нянь.

Может, в прошлой жизни и презирал. Но не в этой.

В коридоре было пусто, все зрители смотрели соревнование. Актер вышел из кладовой, отряхнул пыль с одежды, достал из кармана черную маску и надел ее. Затем присел перед Лу Синчжэ.

— Залезай, я понесу.

Юноша хотел было сказать, что притворялся, но, взглянув на широкую спину мужчины, передумал.

Си Нянь почувствовал, как на спину опустилась тяжесть, а шею обвили руки. Он оглянулся, затем выпрямился и уверенным шагом понес Лу Синчжэ к выходу.

Тот прижался к горячей спине Си Няня, о чем-то задумавшись. Он протянул руку и игриво ущипнул его за мочку уха.

— Вот так несешь меня... Не боишься, что репортеры увидят?

— Успокойся, — ровно ответил Си Нянь. — Другие не такие скучающие, как ты. А если и увидят, то только похвалят меня за отзывчивость и помощь инвалиду.

Кроме Лу Синчжэ, никто не станет за ним так упорно следить.

Юноша ничуть не обиделся. Его алые губы медленно приблизились к уху Си Няня, и он с интересом прошептал:

— А если узнают, что мы спали вместе?

Шаги Си Няня на миг сбились, но он продолжил идти.

— Если ты не скажешь, никто не узнает.

Они уже дошли до парковки. Си Нянь нашел машину Лу Синчжэ, открыл ее ключом, распахнул заднюю дверь и помог ему сесть. Уже собираясь закрыть, он услышал внезапный вопрос:

— А если я все-таки скажу?

Актер замер и, подняв глаза, встретился с темным, непроницаемым взглядом Лу Синчжэ.

— Ты хочешь меня шантажировать?

Лу Синчжэ просто бросил фразу в воздух, но, услышав этот ответ, почувствовал, как внутри закипает беспричинный гнев. Он схватил Си Няня за запястье и рывком втянул в машину. Дверь с глухим стуком захлопнулась, отрезая их от внешнего мира.

В тесном, полутемном пространстве они оказались прижаты друг к другу. Лу Синчжэ схватил Си Няня за воротник и придавил его к сиденью. Его лицо было в тени, но голос звучал отчетливо и холодно:

— Си Нянь, в ту ночь это ты проявил инициативу. Не я напрашивался к тебе в постель.

Он говорил спокойно, но «я», брошенное с вызовом, выдавало его истинные чувства.

Си Нянь чувствовал, как напряжены его пальцы.

— Это был мой первый раз, — сказал Лу Синчжэ.

Он повторил:

— Мой первый раз...

Когда его, пьяного, силой прижали к кровати и в тумане провели с ним ночь. А на следующий день, измученный, он вернулся домой и неумело пытался привести себя в порядок.

Даже после этого папарацци и не думал вредить Си Няню. Никогда.

— Что, — спросил юноша, и его глаза покраснели, — думаешь, я такой дешевый, что сплю с кем попало?

Актер, не зная почему, инстинктивно поднял руку и закрыл ему глаза.

— Нет, — тихо произнес он.

Лу Синчжэ молчал, тяжело дыша.

Си Нянь медленно опустил его руку, державшую его за воротник, и, перевернувшись, сам придавил его к сиденью.

— Я так не думал, — снова тихо повторил он. — В тот раз это была случайность. Я был пьян...

Последние слова затихли в воздухе. Рука, закрывавшая глаза юноши, вдруг ощутила влагу. Си Нянь с опозданием понял, что произошло, и замер.

Он никогда не видел, чтобы Лу Синчжэ плакал.

Никогда.

В машине было темно, и ничего нельзя было разглядеть. Си Нянь не убрал руку. Он знал, что этот парень ненавидит, когда видят его слабость, но не знал, что сказать. Словно по наитию, он обнял его за талию и, слегка притянув, прижал к себе.

— Не плачь, — сказал Си Нянь. — Не плачь.

Он понимал обиду Лу Синчжэ, но, привыкший к эгоизму и холодному расчету, редко задумывался о таких вещах. Как однажды сказала Система, некоторые люди все понимают, но поступать правильно — это совсем другое.

Лу Синчжэ застыл, когда его обняли. Никто из них не произносил ни слова. В наступившей тишине слышалось лишь оглушительное биение их сердец.

Си Нянь долго ждал. Лишь когда влага под его ладонью высохла, он пошевелился. И тут же услышал тихий, хриплый голос юноши:

— Си Нянь, если бы ты в ту ночь не был пьян, ты бы ведь и не притронулся ко мне...

Актер подумал, какая разница, притронулся бы или нет? В таких вещах главное — обоюдное согласие. Он медленно опустил ладонь, встречаясь с темным взглядом Лу Синчжэ, и спросил в ответ:

— А тебя я заставил силой?

— То, чего я не хочу, — после паузы ответил тот, глядя на него, — меня никто не заставит сделать.

Иными словами, он был согласен.

Си Нянь, о чем-то задумавшись, молчал долгое время, а потом вдруг тихо рассмеялся. В этом смехе было трудно разобрать какие-либо эмоции. Он снова вспомнил о ноге Лу Синчжэ и, выйдя из машины, обошел ее и сел за руль. Он завел двигатель и поехал в сторону больницы.

Тот же воспринял этот смех как насмешку над собой. Его лицо на мгновение побледнело. Юноша выпрямился и с силой ударил кулаком по окну.

— Останови!

Си Нянь не обратил на него внимания, лишь заблокировал двери. Он с опозданием понял, что Лу Синчжэ его обманул.

— Что, нога больше не болит?

Глаза папарацци покраснели от гнева.

— Это моя машина, выходи!

Си Нянь проигнорировал его и продолжал вести машину. Лишь припарковавшись возле больницы, он вышел, обошел автомобиль и, открыв заднюю дверь, невозмутимо спросил:

— Ты хочешь в больницу или ко мне домой?

Руки и ноги Лу Синчжэ похолодели, с лица сошла последняя краска. Он холодно взглянул на Си Няня, расслышав в его словах издевку. Он уже собирался выйти, но актер удержал его за плечо.

На этот раз Си Нянь слегка наклонился, их глаза оказались на одном уровне. Помолчав мгновение, он серьезно повторил:

— Ты хочешь в больницу или ко мне домой?

Си Нянь считал, что выразился предельно ясно.

Тот же понял это как «домой = переспать». В ярости юноша отшвырнул его руку.

— Да пошел ты к черту!

Он оттолкнул его с такой силой, что Си Нянь, не ожидавший этого, ударился правой рукой о дверь машины. Раздался глухой стук, и тыльная сторона ладони мгновенно покраснела.

Актер замер, ошеломленный этим отказом.

Лу Синчжэ, вспомнив, что этой рукой Си Няню завтра стрелять на соревнованиях, застыл на

месте. В его глазах промелькнула паника.

— Ты...

Он инстинктивно схватил мужчину за запястье. Ладони были покрыты холодным, липким потом. Юноша долго не мог вымолвить ни слова, лишь лихорадочно озирался в поисках больницы, но не видел ни вывески, ни намека.

— Где больница? — повернулся он к Си Няню.

Обычный ушиб, ничего страшного.

Актер уловил в напряженном выражении лица папарацци едва заметную тревогу. Помолчав, он перехватил его руку. Ладонь была влажной от холодного пота. Он с силой захлопнул дверь машины.

— Ко мне, — тихо сказал он.

Был полдень. В отличие от предыдущих пасмурных дней, сегодня в небе сияло палящее солнце. Густые кроны платанов вдоль дороги отбрасывали на тротуар кружевную тень. Время от времени налетал ветер, и листья шелестели.

У Лу Синчжэ в голове была пустота. Он даже не понял, как оказался в квартире Си Няня. Смутно помнил, как открылась и закрылась дверь, раздался щелчок замка. В следующую секунду его спина прижалась к холодной стене, талию обхватили сильные руки, и его окутало горячее дыхание мужчины.

Юноша мгновенно очнулся. Подняв голову, он встретился с глубоким взглядом Си Няня. Тот молчал, лишь медленно провел длинными пальцами по его затылку, а затем, наклонившись, начал оставлять цепочку поцелуев от ключицы вверх. Помедлив, он наконец коснулся его губ.

Лу Синчжэ, сам не зная почему, побледнел как полотно.

Си Нянь почувствовал, как напряглось его тело. Он поднял на него глаза и увидел, что губы юноши мелко дрожат. Помолчав мгновение, он тихо спросил:

— Ты не хочешь?

Тот не мог вымолвить ни слова. В его голове снова и снова прокручивался тот непонятный смех

в машине. Он посмотрел на него своими темными глазами и вдруг неожиданно спросил:

— Над чем ты смеялся?

Над его бесстыдством? Или над тем, что он так легко отдался?

Си Нянь на мгновение замер, прежде чем понял, о чем речь. Он убрал руку с затылка Лу Синчжэ и, словно прочитав его мысли, сказал:

— Я не смеялся над тобой.

Он сказал полуправду-полушутку:

— Я смеялся над тем, какой я... неотразимый.

На самом деле он смеялся над иронией судьбы. Быть связанным с одним и тем же человеком две жизни подряд — это тоже своего рода талант.

Лу Синчжэ смотрел на него с сомнением. Актер знал, что тот слишком чувствителен, и не стал настаивать. Он лишь молча гладил его по спине, помогая расслабить напряженное тело. Затем он взял юношу за подбородок и поцеловал, неразборчиво прошептал:

— Помнишь, как я брал тебя в тот раз...

Тяжелое дыхание, бешеное сердцебиение.

Тот не ожидал такого интимного вопроса. Его зрачки сузились. Он попытался увернуться от горячего, настойчивого поцелуя, но тело, словно парализованное, не слушалось. Си Нянь, обнимая его, повел в спальню, и они упали на кровать.

Лу Синчжэ инстинктивно вцепился в его плечи. В горле пересохло.

— Си Нянь...

Его голос дрожал.

Актер впервые, будучи трезвым, так терпеливо успокаивал его:

— Все хорошо.

Он стянул с папарацци брюки, и с тихим шорохом упавшей на пол ткани взору открылась его левая нога. Си Нянь наклонился ниже, словно пытаясь воскресить в памяти ту ночь. Он покрывал уродливые шрамы горячими поцелуями, и каждый из них обжигал до самого сердца.

Глаза юноши покраснели.

— Не надо...

Си Нянь, конечно же, не послушал его.

Шторы в спальне были плотно задернуты, отсекая большую часть дневного света. Все вокруг тонуло в полумраке. Он следовал привычкам своей прошлой жизни, в то время как Лу Синчжэ чувствовал, что вот-вот лишится чувств.

— Хватит... хватит... — бормотал он, дрожа.

Он невольно вспомнил ту смутную, полную тумана ночь, закрыл глаза и вцепился пальцами в простыню. Капли пота, срывавшиеся с подбородка, оставляли на ткани влажные пятна.

Си Нянь смотрел на алые губы Лу Синчжэ, поглаживая их кончиком пальца, с удовлетворением наблюдая, как они становятся все ярче. Затем он наклонился и впился в них поцелуем, на этот раз властным, словно собираясь поглотить его целиком.

— Какие ощущения? — выдохнул он.

Лу Синчжэ не знал, приятно ему или нет. Он помнил только, что после прошлого раза у него не было ни одного места, которое бы не болело. Помолчав, он дрожащим голосом выдал одно слово:

— Больно...

У него не было никаких ощущений. Он помнил только боль.

Си Нянь замер. Он посмотрел в его покрасневшие глаза, затем протянул руку и осторожно убрал с его лба влажные пряди волос.

— В прошлый раз было очень плохо? — тихо спросил он.

Лу Синчжэ покачал головой.

Актер сразу понял, что тот лжет. Он поцеловал его в глаза, а затем накрыл теплой ладонью

бугристые шрамы на ноге.

— А здесь?

Юноша снова покачал головой и, уткнувшись лицом в подушку, долго молчал. Потом, словно что-то вспомнив, глухо произнес:

— Если хочешь делать — делай. Не задавай столько вопросов.

Кажется, его редкие проявления доброты снова были приняты за нечто дурное. Си Нянь уткнулся лицом в шею папарацци, чувствуя непривычное разочарование.

После всего на кровати царил беспорядок.

Лу Синчжэ неподвижно лежал, его грудь тяжело вздымалась. Он смотрел в потолок. Убедившись, что Си Нянь не собирается продолжать, он сел, поднялся и начал подбирать с пола одежду.

Си Нянь схватил его за запястье.

— Ты что делаешь?

— Домой, — не поднимая головы, ответил юноша.

— Домой? — нахмурился Си Нянь.

— А что, — с издевкой усмехнулся тот, — ждать, пока ты меня выгонишь?

Его голос все еще был хриплым, а лицо бледным. Он молча одевался, скрывая под тканью синяки и засосы. Подбородок заострился, казалось, за последнее время он еще больше похудел.

Глаза Си Няня потемнели от гнева, но затем он вдруг усмехнулся. Накинув на плечи первую попавшуюся одежду, он снова притянул папарацци к себе и, взяв его за подбородок, спросил:

— Ты думаешь, я привел тебя домой ради чего? Переспать?

Тот думал именно так.

Си Нянь действительно не знал, как ему быть. Его пальцы слегка сжались. Подумав, он сказал:

— В любом случае, не для этого.

— Ты свое уже получил, а теперь говоришь, что нет, — подумал Лу Синчжэ. — Тогда для чего?

— ...Сам подумай, — после долгой паузы ответил Си Нянь, окинув его глубоким взглядом.

Казалось, он не хотел больше говорить. Он просто затащил юношу в ванную. Горячие струи душа обрушились на них сверху, разлетаясь мириадами брызг. Лу Синчжэ, застигнутый врасплох, всегда оказывался в его власти. Он с опозданием понял, что его одежда намочена.

Си Нянь провел пальцами под краем его футболки, помогая ему раздеться. Сквозь шум воды он сказал:

— Потом наденешь мое.

Юноша от его внезапного прикосновения тихо застонал. Ноги подкосились, и он едва не упал. Мужчина крепко обхватил его, прижав ладонь к его спине. Прошло немало времени, прежде чем он спросил:

— В тот раз ты сам мылся?

Дыхание Лу Синчжэ сбилось, лицо вспыхнуло. «А кто, по-твоему, призрак бы меня помыл?» — подумал он.

В клубах пара он едва различал лицо Си Няня, ощущая лишь его сильное тело. В тумане он услышал его слова:

— В тот раз ты слишком быстро ушел.

— Что ты сказал? — переспросил юноша, его сердце пропустило удар.

— Ничего.

Приняв душ, актер вынес Лу Синчжэ из ванной на руках, уложил на кровать и, высвобождаясь из его объятий, коснулся его лица.

— Не уходи, — сказал Си Нянь, отводя мокрые черные волосы с его лба. — Я принесу тебе одежду.

Его взгляд был уже не таким, как раньше.

Лу Синчжэ смутно догадывался, что происходит, но боялся поверить. Он провожал взглядом спину мужчины, и слова, вертевшиеся на языке, так и не были произнесены.

После того как Су Гэ отстранили, Си Нянь на мгновение почувствовал, что этот путь не так уж и плох. Он начал пытаться выбраться из ловушки прошлого, примириться с самим собой из предыдущей жизни.

И с Лу Синчжэ...

Си Нянь достал из шкафа комплект одежды и, обернувшись, увидел, что тот смотрит на него. Он протянул ему одежду.

— Чего уставился?

Лу Синчжэ только что вышел из душа, его лицо было свежим и чистым. Он опустил голову и, надевая одежду, стал застегивать пуговицу за пуговицей. Помолчав, он вдруг неожиданно сказал:

— Я могу больше не быть папарацци.

Си Нянь замер.

<http://bllate.org/book/15807/1428243>